

UDC 94(477)(=411.16)

THE DEVELOPMENT OF JEWISH AUTONOMISM THEORY IN THE CONDITIONS OF UKRAINIAN REVOLUTION AND POLITICAL REALITIES OF THE PRE-WAR UKRAINIAN SSR

M. Tortika

DSc (History), Associate Professor
Kharkiv State Academy of Culture
4, Bursatskyi uzviz, Kharkiv, 61057, Ukraine
torteka@ukr.net

The article pays special attention to the analysis of Jewish ethnopolitical creativity in the period of the Ukrainian People's Republic, and to the dynamics in forming ethnocultural and administrative institutes of Ukrainian Jewry, in the period of the early Soviet development of Ukrainian SSR. The study uses unpublished materials from the Central State Archive of Public Associations of Ukraine. The author analyses the history of interaction between the representatives of Jewish political parties, as well as territorial and religious communities, and central governmental bodies of the Ukrainian People's Republic. Especially important is the cooperation of Jewish parties with the General Secretariat that resulted particularly in the creation of the special vice-secretariat for Jewish affairs. The Autonomist project for the solution of the Jewish question suggested: possibility of convocation of Jewish national assembly (such assemblies had to become the basis for the future autonomy); the prospect of learning in the language of the national minority (in this case, Yiddish); achievement of all rights and freedoms that are natural for a democratic developmental state.

The author emphasizes that in the early Soviet period, Jewish sections (Yevseksii) of Communist Party (Bolsheviks) of Ukraine, in a certain sense, "took the baton" of cultural and national autonomist tasks. Following the autonomist practice of the Bund, they focused on creating educational programs, now implemented at the forefront of the Jewish youth communistic education. As a result, the Jewish sections supervised virtually all publications in Yiddish, and Jewish cultural and national communities. In addition to educational and cultural tasks, Jewish sections worked to support victims of the pogroms, to reduce the outflow of the Jewish population abroad, and were responsible for the introduction of Yiddish in the courts and local councils of Ukraine. And at the same time, with their participation, the synagogues were closed, social activities of traditional Jewish communities were curtailed. In 1926 the notorious "nationalist bias" caused the final curtailment of not only Jewish Autonomist project but the Jewish sections themselves that were transformed into the Jewish Bureau, and then completely eliminated in 1930. The author comes to the conclusion that in this way, the state tried to protect itself from any political influence of national actors whose institutions were purposefully transferred from the format of Soviet authorities to cultural organizations, or structures that controlled only the religious life of Jewish community. The final liquidation of Jewish sections and political control of the corresponding Soviet bodies, the increasingly tightened centralization of the Soviet administrative system made the cultural and national identification of Ukrainian Jewry forbidden for many years.

Keywords: Bund, Jews, Jewish sections (Yevseksii), cultural and national autonomy, national identity, Soviet administrative system, Ukrainian People's Republic, Ukrainian SSR

РАЗВИТИЕ КОНЦЕПЦИИ ЕВРЕЙСКОГО АВТОНОМИЗМА В УСЛОВИЯХ УКРАИНСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ И ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕАЛИЙ ДОВОЕННОЙ УССР

М. В. Тортука

Вопрос о количестве еврейского населения в современной Украине часто вызывает весьма путанные и неоднозначные ответы, связанные с устаревшими данными

© 2020 M. Tortika; Published by the A. Yu. Krymskyi Institute of Oriental Studies, NAS of Ukraine on behalf of *The World of the Orient*. This is an Open Access article distributed under the terms of the Creative Commons Attribution License (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>).

последней переписи, проводившейся в нашей стране в 2001 г. По словам известного еврейского общественно-политического деятеля, президента Ассоциации еврейских организаций и общин Украины (Ваад Украины) И. Зисельса, перепись 1989 г. зафиксировала наличие 487300 евреев, проживающих на тот момент в пределах страны. В то же время данные на начало 2002 г. говорят о фиксации существенно меньшей цифры 103842 еврейского населения [Зисельс]. Далее, все тот же И. Зисельс подчеркивает, что к 2006 г. указанная цифра опустилась до уровня 93803, что в целом соответствует сложившемуся в стране так называемому “еврейскому этническому ядру”¹ [Зисельс]. Параллельно официальные данные, полученные по переписи 2001 г., фиксируют цифру в 105480 человек [Сколько евреев в Украине?]. Как следствие, авторы ряда специальных исследований, анализировавших итоги переписи 2001 г. (в качестве примера можно упомянуть работу С. А. Тархова [Тархов 2004, 144–164]), выдвинули тезис о неуклонном уменьшении еврейского населения Украины. Действительно, приведенная выше статистика позволяет говорить о том, что количество еврейского населения страны сократилось с 1959 г. по 2001-й практически в восемь раз или в пять с 1989-го по 2001 г. [Итоги переписи... 2003].

В то же время на фоне последовательного сокращения еврейского населения, география расселения представителей данного национального меньшинства свидетельствует, что наиболее значимыми зонами компактного расселения еврейских этнических групп по-прежнему продолжают оставаться такие крупные культурные и индустриальные центры страны, как Днепр, Киев, Одесса, Харьков, Черновцы, а также многочисленные местечки бывшей черты оседлости, в которую вводились и в разное время были выведены некоторые населенные пункты (такие как, например, отдельные районы Киева, ряд территорий Юга Украины и др.).

Впрочем, как бы ни были сложны и путаны современные демографические расчеты, они все же являются не более чем отражением цифр, свидетельствующих о высочайшей концентрации еврейского населения в Украине как сегодня, так и на рубеже нового и новейшего времени. Так, по данным канадско-американского исследователя Генри Абрамсона, в соответствии с переписью 1897 г. (более или менее адекватной для ситуации 1917 г.) еврейское население украинских земель Российской империи составляло около 2 млн человек. Таким образом, территории, которые позднее были очерчены границами будущей УНР, включали в себя 60 % евреев черты оседлости, или 17 % от общего количества мирового еврейства. Особо Г. Абрамсон подчеркивал городской характер еврейского населения Украины, отмечая, что в “містах і містечках” формирующейся Украинской Республики проживало не менее 80 % евреев, в то время как там же “мешкало менше ніж 6 % українців” [Абрамсон 2017, 41, 87]. Собственно, устойчивая тяга еврейского населения к крупным культурным центрам страны сохраняется и сегодня, соответствуя пропорции 99,2 % городских жителей к 0,2 % сельских жителей еврейского происхождения [Евреи в Украине].

Совершенно очевидно, что подобная урбанистическая демография украинского еврейства предполагала и предполагает особое разнообразие его внутренних и внешних культурных, социально-экономических и политических связей. Учитывая масштабы еврейского населения в Украине кон. XIX – первой половины XX ст., понятно, что процесс его национально-культурной идентификации не мог осуществляться без специального государственного регулирования, характер которого первоначально определялся модернизаторскими тенденциями позднеимперской России, затем идейным содержанием национально-демократической платформы УНР и, наконец, спецификой деятельности профильных комитетов и наркоматов советской Украины. Таким образом, следует подчеркнуть, что в современной истории нашей страны именно первая четверть XX ст. (то есть годы, наполненные трагизмом войны и пафосом революции) стала периодом наиболее активного поиска

принципов политического самоопределения украинского еврейства, социально-политическая элита которого была вынуждена лавировать в условиях острой конкуренции разнообразных еврейских партий и движений².

Весьма приблизительно все это обилие многочисленных еврейских организаций можно классифицировать по принципу принятия или непринятия экстерриториальной модели еврейской автономии, а также по степени теоретического признания ее исторического, политического и государственного значения. Так, для большинства сионистских партий концепция культурно-национальной автономии была важна как ступень на пути к формированию самостоятельной еврейской государственности³. В то же время характер автономистской концепции, предложенной такой значительной социал-демократической организацией, как Бунд (Всеобщий еврейский рабочий союз в Литве, Польше и России), оказался гораздо менее радикальным (то есть ограниченным проблемами культуры и образования в ущерб принципиальным вопросам общегосударственной внутренней политики). Причина подобного, умеренно-автономистского, взгляда еврейского союза на национальный вопрос и проблемы государственного строительства крылась в устойчивом приоритете межнациональной интеграции рабочих, возможной, по мнению теоретиков Бунда, только в условиях грядущего пролетарского государства. Наконец, для традиционалистов (так называемых “религиозных ортодоксов”) и сторонников особой субъектности еврейской духовности, часто выступавшей в дополнительной роли этнообразующего фактора, принцип еврейской политической экстерриториальности оказался мало интересен, поскольку отвлекал от идеи выезда и создания утраченного государственного рая в земле обетованной. И это несмотря на то, что очертания такого рода земель в XX веке выглядели до крайности зыбкими и десятилетиями колебались по сложной географической кривой, расположенной где-то между Угандой (пропагандируемой в этом качестве представителями английского правительства), Месопотамией, гипотетической платформой так называемой “Крымской Калифорнии” и, наконец, оказавшимся вполне реальным проектом Эрец-Исраэль.

Таким образом, на долгие годы специальным кодом еврейской политической самоидентификации в Украине стал вопрос о принципах формирования культурно-национальной автономии как части единой общегосударственной системы. Такой подход позволяет говорить о трех основных этапах в развитии концепции еврейского автономизма; этапах, прочно связанных с генезисом политического пространства всей страны в целом. Собственно, первый этап объединяет в себе теоретическое оформление еврейской автономистской концепции в контексте практической корректировки данной теории в политическом пространстве УНР; вторым этапом, с внешними признаками сохранения принципов национальной самоидентификации, стал советский период, в рамках которого платформа еврейского автономизма была искусственно переориентирована на погружение еврейского национального сознания в интернациональную среду СССР, и, наконец, третий этап следует рассматривать в контексте деятельности современных еврейских общественных организаций, функционирование которых способно, по крайней мере отчасти, влиять на характер внутренней политики современной Украины в целом. В контексте настоящего исследования особый интерес представляют два первых этапа трансформации еврейской автономистской платформы. Первый позволяет судить о характере механизмов политико-административного управления еврейского национального меньшинства в масштабах УНР, второй (прежде всего его довоенный период) иллюстрирует процессы снижения этнокультурной активности нацменьшинств на фоне роста административной и идейно-политической унитарности субъектов СССР⁴.

Вопрос о генезисе и дальнейшем развитии концепции автономизма тесно связан с деятельностью двух еврейских политических партий, платформа которых включала в себя национальный вопрос как теоретическую основу для реализации

принципов автономистской экстерриториальности. Речь идет о партии Фолкспартей и Бунде, а значит, как минимум о двух теоретиках автономизма, публицистах и общественных деятелях, таких как С. М. Дубнов и В. Д. Медем. Известный историк, публицист и общественный деятель С. М. (Шимон) Дубнов стал одним из основателей Фолкспартей в надежде на то, что платформа партии окажется фундаментом для разрешения национального вопроса демократическим путем. Последовательный сторонник парламентаризма, он выступал с активной поддержкой выборов евреев в Государственную Думу. Совместно с сионистами высказывался в пользу создания специальных еврейских школ и, более того, за юридически закрепленный статус взаимоотношений демократически избранных глав светских еврейских общин с представителями национального правительства. Увы, социальная платформа Фолкспартей оказалась крайне узкой, партию раздирали внутренние противоречия, и в 1918 г. она фактически свернула свою политическую деятельность в Украине⁵.

Иное дело Бунд. Будучи самой зрелой социал-демократической организацией украинских евреев (украинская часть составляла самый крупный сегмент еврейского союза, как следствие, к августу 1917 г. в политических границах будущей УНР функционировало около 60 первичных организаций еврейского союза [Гусев]), Бунд вполне уверенно претендовал на роль основного (причем как на межпартийном, так и на государственном уровнях) выразителя еврейских интересов. В результате в идеологическом формате бундовцы пытались интегрировать свою платформу в массовое сознание еврейского населения страны, в то время как в практической плоскости, руководство Бунда претендовало на статус прямого выразителя национальных интересов в Секретариате по еврейским делам (части общегосударственного Секретариата по национальным делам эпохи УНР)⁶.

Впрочем, еще задолго до описываемых событий один из идеологов Бунда Владимир Медем вступил в активную полемику с большевиками по поводу характера потенциальной еврейской автономии. Дискуссия получила широкий отклик в социал-демократических кругах и стала точкой отсчета для последовательной разработки автономистской платформы еврейского союза. Собственно, именно этот эпизод позволил М. Г. Рафесу (известному социал-демократу и государственному деятелю эпохи Украинской революции и большевистской Украины)⁷ отозваться о В. Медеме как о “родоначальнике” бундовской программы по национальному вопросу [Рафес 1923].

Итак, по логике Медема прежде всего было необходимо четко разграничить понятия “территориальное” и “национальное”. В этом случае, писал Медем, “территориальное самоуправление остается само по себе в силе, отвечая на ряд особых нужд территориального же характера. Но национальный вопрос остается вне сферы его влияния, требуя своего особого решения и ответа” [Медем 1906, 56]. Решаться этот вопрос должен был, по мнению бундовских автономистов, путем всеобщего избирательного права, на основе которого могли быть сформированы специальные корректирующие органы, функцией которых должен был стать контроль за культурно-образовательными задачами каждой конкретной национальной автономии. Специально избранные представители еврейского кагала должны были “самостоятельно заведовать своими культурными делами, устраняя всякую необходимость взаимных трений и борьбы” [Медем 1906, 53].

Следует подчеркнуть, что приведенные здесь элементы национально-культурной программы Бунда оказались весьма близки к выводам по национальному вопросу таких известных представителей австромарксизма, как О. Бауэр⁸ и Р. Шпрингер (псевдоним будущего канцлера, позднее президента Австрийской Республики Карла Реннера). В частности, Реннер предлагал решать проблему организации национального пространства в многонациональном государстве путем фиксированного

присоединения (по выбору каждого конкретного индивида) к определенной национальной группе. То есть предложенная им модель персональной автономии предполагала “персональный принцип... на основе свободных заявлений совершеннолетних граждан” [Сталин 1946, 290–367, 324]. В дальнейшем, по мнению К. Реннера, все выбравшие национальную принадлежность представители “этнического ядра” должны были создать нацию и избрать “национальный совет”⁹. В этом случае путь к культурно-национальной автономии рассматривался австромарксистами как цепь реформ, что, естественно, не предполагало каких-либо “коренных” (определение И. Сталина), то есть стремительных, изменений. “Шаг за шагом, – подчеркивал Бауэр, – будет Австрия идти к национальной автономии, медленным и мучительным процессом, тяжелой борьбой... Нет, не путем великого законодательного акта, а множеством отдельных законов, издаваемых для отдельных областей, отдельных общин, будет создан новый государственный строй” [Сталин 1946, 290–367, 317].

Таким образом, проецируя австрийский опыт на реалии поздеимперской России, теоретики Бунда предлагали для контроля над общегосударственной культурной политикой создать специальный федеративный союз национальных сеймов. Все вопросы, остающиеся вне сферы национально-культурной политики, должны были входить в компетенцию центральных органов, избираемых пропорционально административному делению страны [Медем 1906, 3, 54]¹⁰.

Итак, именно эта концепция получила неожиданный шанс быть реализованной в условиях украинской революции и недолгой политической стабилизации УНР. Хотя Г. Абрамсон и писал, что драгоценное время “перебування в українській владі єврейські політичні партії витрачали на ідеологічні міжусобиці. За винятком кількох законодавчих актів... ці партії не спромоглися справити на українське єврейство скільки-небудь незабутнє враження. Вони вступили в марну боротьбу за владу, часто саботуючи спроби зробити добрі справи для єврейської громади...” [Абрамсон 2017, 162]. Все же следует отметить, что в целом большинство еврейских партий сумело ощутить единство цели и создать единый фронт, необходимый для обретения еврейским населением Украины гражданских прав и свобод. Ради этого они готовы были объединить свои усилия, направив их на реализацию принципов культурно-национальной автономии, которую они жаждали строить на фундаменте некогда могучей и, казалось, практически неразрушимой Российской империи.

2 марта 1917 г. был подписан Манифест об отречении императора Николая II, и к исполнению своих государственных обязанностей приступило Временное правительство как орган высшей исполнительной власти в обезумевшей, охваченной войной, голодом и революцией многонациональной стране. В это время вопрос о лояльности еврейских политических партий Временному правительству практически не поднимался. Еврейская интеллигенция, получавшая в массе своей высшее образование в российских учебных учреждениях и интегрированная в мощное поле российской культуры, не мыслила себя вне контакта с российской государственной средой. Собственно близкую позицию заняли и представители большинства национальных субъектов постимперского пространства России, включая и Центральную Раду¹¹.

Особенно решительно по так называемому “украинскому вопросу” высказались представители ЦК Бунда и члены Бюро Южного областного комитета Бунда. Анализируя I Универсал, они отмечали, что чрезмерная активизация национального украинского движения ставит его на путь разрыва “с революционной демократией и создает условия для обострения внутренних трений между населением Украины...” [Рафес 1923, 38–44]. В то же время в Резолюции говорилось, что “для удовлетворения законных желаний как украинской нации, так и всех других наций, живущих на территории Украины, Временное правительство должно создать общественный территориальный орган, который должен быть составлен на началах представительства от организованных демократических масс всего разноплеменного населения края, в том числе и от Украинской Рады” [Рафес 1923, 38–44].

После непродолжительных колебаний Временное правительство пошло на сотрудничество с Центральной Радой. В то же время щитом, способным противостоять силе украинского национального движения, оно считало другие национальные составляющие Рады, которые, как тогда казалось, гарантированно будут отстаивать концепцию украинской автономии в составе Российской федеративной республики¹². Таким образом, предполагалось создание украинской автономии, в границах которой должна была сложиться локальная еврейская субавтономия. Однако курс, нацеленный на реализацию задач еврейской культурно-национальной автономии, в 1917–1919 гг. осложнялся многогранностью последовательно развивавшихся еврейских общественно-политических институтов.

Во-первых, это был процесс формирования прямой властной вертикали, которая постепенно приобретала зримые очертания благодаря участию представителей различных еврейских политических партий в комиссариате по еврейским делам (будущем еврейском министерстве)¹³. Следствием подобной государственной стратегии стало, во-первых, создание единого социалистического блока в составе Бунда, Объединенной еврейской социалистической рабочей партии (ОЕСРП) и Поалей Цион и, во-вторых, дальнейшая ориентация этого блока на политическое сотрудничество с Центральной Радой. В данном случае центральным тезисом, объединяющим политическую платформу еврейских социалистических партий, становился курс на реализацию концепции культурно-национальной автономии.

Во-вторых, это был путь национальных выборов, ориентированный на территориальное представительство еврейских светских демократических общин (в определенном смысле, кагал новейшего времени)¹⁴. Подобный курс вел к признанию принципов территориальной автономии как субъекта культурно-национальной автономии¹⁵.

Наконец, третье направление организации культурно-национальных институтов было связано с религиозной составляющей еврейского сознания. Это был путь религиозных общин с духовным лидером (раввином) во главе. Этот путь оказался неожиданно востребованным на административном уровне несколько лет спустя, когда он стал прикрытием для создания соответствующей платформы различных советских комитетов и ведомств, готовых юридически реализовывать принцип отделения церкви от государства. Впоследствии это привело к достаточно жесткому разграничению сферы социальной жизни и вопросов вероисповедания. Таким образом, уже в первые годы существования советской власти в Украине этносоциальная сфера начала передаваться в ведение общесоюзных государственных институтов, тогда как еврейский вопрос стал рассматриваться исключительно как прерогатива первоначально специальных отделов Минюста, затем отделов религиозных культов и, наконец, ликвидационных отделов НКВД [Владиченко 2011].

Петроградские события осени 1917 г. и, как следствие, приход к власти партии большевиков еще больше приблизили еврейские политические силы к государственной политике Центральной Рады. Большинство еврейских партий расценило большевистское стремление к власти как своего рода бонапартистский переворот, не имевший социальной почвы и экономической подосновы. Как писал один из представителей одесской организации Бунда Ш. Либин, “раз і назавжди ми повинні заявити, що не прагнемо захопити те, що нам поки що не дано історичною ходою розвитку продуктивних сил нашої батьківщини...” [Гусев]. Следствием подобной позиции стало воззвание Киевского областного комитета Бунда (на тот момент игравшего роль центрального органа украинской секции еврейского союза) к еврейскому населению “по поводу ноябрьского восстания в Киеве”. Обращение носило выраженный антибольшевистский характер [Воззвание Киевского областного комитета Бунда, 5–7].

Итак, процесс становления формально автономной, но по сути уже практически независимой УНР все более ускорялся. Этот факт вместе с частичной консолидацией еврейского политического представительства предопределил характер будущей еврейской автономии, что и подтвердил III Универсал украинского парламента. Автономия мыслилась как экстерриториальная и предусматривала использование языков национальных меньшинств во всех центральных государственных органах [Абрамсон 2017, 103]. Интересно, что именно экстерриториальный характер еврейской автономии предопределил выбор идиш в качестве одного из четырех государственных языков. Дело в том, что для сионистов, стремившихся к созданию автономии вне украинской государственности, языком Эрец-Исраэль должен был стать иврит. Однако большинство местечкового украинского еврейства практически не говорило на иврите. По сути, для них это был мертвый язык, которому еврейское население черты оседлости противопоставляло яркий и живой язык, так называемый “жаргон” (идиш). Долгие годы проблема языка была одной из наиболее существенных в еврейской культурной и общественно-политической среде. Более того, подобные дискуссии вели к принципиальному расхождению во взглядах сионистов и бундовцев на будущее еврейской автономии. В то же время использование идиш в государственном масштабе оказалось крайне важным для подтверждения политической толерантности национального украинского правительства. Иллюстрацией подобного государственного плюрализма в национальном вопросе стало согласие Генерального Секретариата на эмиссию украинских карбованцев (речь идет о бумажных банкнотах в графической обработке Г. Нарбута). На них был зафиксирован номинал в 100 единиц, и прописана сумма, обозначенная на четырех языках: украинском, польском, русском и идиш.

Следует подчеркнуть, что один из основных пунктов (принципиальный для корректировки взаимоотношений руководства Центральной Рады с еврейским политическим представительством) касался именно вопроса о многоязычии органов государственной власти. Этот пункт так и остался не реализованным. Возможно, последнее имело место в связи с нехваткой финансов, отчасти в связи с ограниченным количеством подготовленных специалистов и, наконец, просто в силу отсутствия политической воли, необходимой для того, чтобы переломить веками устоявшийся культурный стереотип, характерный для взаимоотношений еврейского и украинского населения страны. Достаточно быстро экзотическая надпись на идиш, фигурировавшая на купюрах 1917/1918 гг., стерлась и потускнела, оставаясь в дальнейшем не более чем символом национального строительства и автономистской практики УНР.

Следующий пункт автономистского проектирования был напрямую связан с проведением выборов среди представителей светских еврейских общин. В материалах, отложившихся в собрании Центрального государственного архива общественных объединений Украины, присутствует дело, которое объединило в себе материалы по “Проектам законов Генерального Секретариата УНР об уставе еврейских общин”. Среди них находится проект закона “О выборах в еврейское общинное самоуправление”, который датируется декабрем 1917 г. [Проекты законов Генерального Секретариата УНР об уставе еврейских общин, 20–25].

В ходе выборов с новой силой вспыхнули противоречия между сионистами и социалистами, которые по-разному оценивали государственные задачи будущего общинного администрирования. Так, Бунд настаивал на ограничении государственных полномочий кагала вопросами культуры и образования. В то время как более принципиальные вопросы, начиная с проблем здравоохранения, теоретики Бунда предполагали решать непосредственно через еврейский вице-секретариат (еврейское министерство). В рамках своих конференций Бунд последовательно уточнял платформу культурно-национальной автономии. Последнюю он предлагал строить,

во-первых, на основе отказа от религиозной общины, но в борьбе за “демократическую общину”; во-вторых, в контексте государственного субсидирования “светских школ” и, наконец, в-третьих, путем передачи “учреждений социальной помощи... в ведение национальных органов... при условии гарантирования культурных особенностей национальных меньшинств” [Из материалов конференции Бунда, 44–45]. В свою очередь, сионисты, напротив, рассчитывали на развитие более широких полномочий светских общин, видя в них прообраз будущей административной организации еврейского государства в Палестине¹⁶.

Избирательная кампания началась в декабре 1917-го и к июлю 1918 г. охватывала уже более 200 светских общин. Тем не менее к февралю 1918 г. стало понятно, что перевес находится не на стороне социалистов, а скорее на стороне сионистов и представителей подчеркнута религиозных политических организаций. Особенно остро сложившуюся ситуацию переживали представители Бунда, которые предлагали в случае необходимости реальной борьбы с “сионистско-клерикальным блоком... координировать свою работу с другими социалистическими и демократическими фракциями” [Из материалов конференции Бунда, 45]. Впрочем, реализовать предопределенный выборами успех представители светских общин уже не смогли. Центральная Рада успела провозгласить независимость УНР, однако закон о конституционном введении национальной автономии обновленного юридического статуса так и не получил. 29 апреля 1918 г. в связи с захватом власти генералом (отныне гетманом) П. Скоропадским Центральная Рада утратила свои полномочия и покинула Киев.

Пришедший на смену либеральной политики Центральной Рады режим гетмана Скоропадского не ставил перед собой никаких грандиозных преобразовательных и законодательных задач. Соответственно, можно говорить о том, что еврейский вопрос в эпоху Гетманата оказался в неопределенном или даже скорее законсервированном состоянии. Так, с одной стороны, курс на дальнейшее формирование платформы культурно-национальной автономии сохранялся, продолжалась избирательная кампания, которую де-факто можно обозначить как выборы в еврейское национальное собрание¹⁷ (гетман даже принял в связи с этим вопросом еврейскую делегацию, рассчитывая на возможную поддержку сионистов, лидеры которых имели определенные связи среди влиятельных представителей Антанты [Бунд. Справочные материалы]). В то же время с отменой юридического статуса Центральной Рады легитимность ее законодательно-правовой базы оказалась под вопросом. В результате министерство по еврейским делам было выведено из состава правительства (де-факто в формате министерства функционировал Еврейский национальный совет). Кроме того, в июле 1918 г. был аннулирован закон о национально-персональной автономии.

Следующий шаг, характеризующий динамику в развитии еврейского автономизма в Украине, напрямую связан с приходом к власти и последующей деятельностью Директории. Как известно, 14 декабря 1918 г. войска Директории заняли Киев. Уже в первые недели своего пребывания у власти Директория выступила с декларацией, в которой содержался призыв к “национальному согласию и дружественному содействию... всех наций, населяющих украинскую землю” [Українська РСР... 1968, 55]. На основе данной декларации Директорией были озвучены самые позитивные намерения, подтверждающие все отмененные ранее права и свободы, принятые Центральной Радой в отношении еврейского населения страны. Кроме того, декларировалась необходимость возврата к стратегии еврейского автономизма, следствием чего стало решение о восстановлении Министерства по еврейским делам, главой которого после отставки Вульфа Лацкого стал писавший на идиш публицист, член партии Поалей-Цион, Авраам Ревуцкий [Ворона... 2010].

Собственно, документы Центрального государственного архива общественных объединений Украины свидетельствуют, что в это время министерство по еврейским делам не просто работало, но работало весьма интенсивно. Так, в фонде 41 “Єврейські політичні партії і організації” отложились документы, в которых содержатся постоянные обращения сотрудников аппарата Еврейского национального секретариата по поводу необходимости присутствия конкретных членов секретариата на заседаниях, например от 12, 15, 16 декабря 1918 г., 17 января 1919 г. и др. [Еврейский национальный секретариат Главному комитету Бунда, 1, 7, 13, 24].

17 июля 1919 г. С. Петлюру даже посетили делегаты от различных еврейских партий и организаций (причем как светских, так и религиозных)¹⁸. В ходе встречи члены еврейской делегации обратились к “Головному отаману військ Української Народної Республіки”, во-первых, со словами поддержки и одобрения, а во-вторых, как сказали бы сегодня, с декларацией о намерениях: “...то вже тільки по одному тому, що нема з ким федерувати – ні з більшовицько-комуністичною Росією, як і не з імперіалістичною Антантою. Тільки демократія України може утворити і утворить вільну і самостійну Українську народну республіку. Уряд в теперішнім складі, як соціалістичний нами підтримується...” [Євреї та Українська республіка]¹⁹.

В то же время на практике ситуация с разрешением еврейского вопроса в период Директории оказалась далеко не безоблачной. Собственно, ряд отечественных и зарубежных историков связывают интенсивный рост погромного движения эпохи украинской революции как минимум с пассивной позицией Директории по данному вопросу.

Сразу же необходимо подчеркнуть, что анализ погромного движения, нараставшего на протяжении всех этапов Украинской революции, не является предметом настоящего исследования. Тем не менее умолчать о некоторых аспектах данной проблемы, тесно связанной с вопросом о еврейском автономистском проектировании, как представляется, было бы неправильно.

Прежде всего, следует напомнить, что этапов погромного движения в масштабах Российской империи, позднее в границах УНР, было несколько. Во-первых, это погромы последней трети XIX – начала XX ст. и, во-вторых, это погромное движение эпохи Украинской национально-демократической революции²⁰. Здесь следует подчеркнуть, что в целом международная география актов вандализма и насилия, осуществляемых коренным населением в местах компактного расселения еврейских этнических групп, к сожалению, широка и разнообразна. Однако само понятие “погрома” как определения процесса избиения, грабежа, унижения и даже физического устранения евреев в период новейшей истории вошло в мировую практику именно на русском языке. Это со всей очевидностью указывает на то, что в пределах Российской империи данное явление имело наиболее выраженный и законченный характер и встречалось в массовом масштабе как до, так и после революционных катаклизмов 1917 г.

Тем не менее следует подчеркнуть, что оба отмеченные выше этапа погромного движения разнятся между собой как по накалу политических страстей, так и по количеству жертв и социальной градации погромщиков. В результате в первом случае, по всей видимости, можно говорить о сотнях, на момент 1905/1906 гг. – даже о нескольких тысячах жертв, в то время как в условиях национальной революции в Украине эти цифры возрастают многократно, позволяя говорить уже о десятках тысяч жертв и сотнях тысяч в той или иной степени пострадавших. В частности, изданная Институтом славяноведения РАН в 2007 г. “Книга погромов” (представляющая собой сборник документов по истории погромного движения, начиная с последней трети 1917 г. и заканчивая 1922 г.) дает информацию как минимум о 1500 погромах. “Было убито и умерло от ран, – сообщается в академическом комментарии к данному изданию, – по разным оценкам, от 50–60²¹ до 200 тыс. евреев.

Около 200 тыс. было ранено и искалечено. Были изнасилованы тысячи женщин. Около 50 тыс. женщин стали вдовами, около 300 тыс. детей остались сиротами”. И далее: “...если учесть физические и психические травмы, десятки тысяч вдов и сотни тысяч сирот, то можно говорить, что погромы эпохи Гражданской войны оказали прямое воздействие приблизительно на один миллион человек” [Книга погромов... 2007, 2].

Из указанного количества погромов, по мнению известного еврейского общественного деятеля, социолога, создателя общества гуманитарной помощи и исследователя статистики еврейских погромов Нахума Гергеля, на войска Директории приходилось 39,9 % от общего числа погромов, 24,8 % – на различные партизанские отряды и банды, 17,2 % – на воинские соединения Белой армии, на Красную армию – 8,6 % погромов, на отряды атамана Григорьева – 4,2 %, на Польскую армию – 2,6 %, на всех прочих участников – 2,7 %²² [Gergel 1951, 237–252]. Много лет спустя, анализируя причины погромной волны конца 1918–1919 гг., Г. Абрамсон напишет о войсках Директории, что они были “сповнені жадоби, похоті та простої жаги крові” [Абрамсон 2017, 182].

Итак, позиция Директории по национальному, и в частности еврейскому, вопросу оказалась очень сложной. В теории члены Директории позиционировали свою платформу как демократическую или даже социал-демократическую, но на практике она воспринималась еврейским населением Украины как малодейственная и, более того, на определенном этапе как административно неуправляемая. Например, с одной стороны, по инициативе еврейского министерства (то есть на государственном уровне) был создан Еврейский комитет помощи пострадавшим от погрома²³ [Книга погромов... 2007, 45], в то же время усилиями военных частей все той же Директории воссоздаются картины средневековой жестокости и варварства. В результате в специальном “Обращении ЦК помощи пострадавшим от погромов” ситуация описывается следующим образом: “...как в кровавом тумане встают оргии безумных надругательств над жизнью и честью человека” [Книга погромов... 2007, 45].

В итоге в массовом сознании еврейского населения Украины начинает формироваться потребность в смене политической парадигмы, в рамках которой предполагалось внедрение принципов большей политической стабильности и порядка. Вопрос о характере подобного порядка и о цене, которая может быть заплачена за него, стал камнем преткновения для согласованности действий многих еврейских социал-демократических партий.

Многие из них, как уже отмечалось ранее, первоначально весьма позитивно восприняли приход Директории к власти. В частности, руководство Бунда буквально через несколько дней после падения режима П. Скоропадского, во время встречи представителей социалистических партий с членами Директории сделало следующее заявление: «Одобряя принцип диктатуры пролетариата и трудового крестьянства... Бюро главного Украинского Комитета Бунда готово (очевидно, “разделить”. – М. Т.) ответственность за деятельность правительства» [Черновик текста. Заявление Бунда... 7]. Впрочем, подобная сговорчивость еврейских социалистов была обусловлена рядом жестких условий, ориентированных на смягчение внутреннего климата и внешнего территориального конфликта [Черновик текста. Заявление Бунда... 7–10]. Однако уже в 1919 г. большинство еврейских общественно-политических деятелей оказались глубоко разочарованными политикой властей, а представляемые ими организации – расколотыми. Тот же Бунд в лице своего Всеукраинского комитета на одном из более поздних заседаний еще раз, теперь уже достаточно жестко, поставил вопрос о специфике внешней политики Директории и, прежде всего об отношении правительства “к большевизму” [Расширенное Бюро Всеукраинского комитета Бунда, 17]. В конечном итоге на коммунистическую

платформу начали переходить, во-первых, многие представители Объединенной еврейской социалистической рабочей партии (ее левое крыло), во-вторых, еще более активизировалась политическая деятельность левой фракции Бунда во главе с М. Г. Рафесом (компартия Бунда обособилась 1 марта 1919 г.) [Объявление левого крыла Бунда о расколе, 21].

Несколько ранее, фактически сразу же после Октябрьского переворота, центральным большевистским правительством сначала в Петрограде, далее в Москве, был создан Народный комиссариат по делам национальностей. При нем был специально выделен Центральный комиссариат по еврейским национальным делам. Однако это были именно те большевистские структуры, которые вызывали внутреннее сопротивление как последовательных сионистов, так и хорошо образованных, придерживавшихся традиций европейского социализма еврейских украинских политиков. Антипатия эта значительно усилилась в условиях публичного отказа Комиссариата от концепции еврейской культурно-национальной автономии. Именно тогда в рядах украинского Бунда серьезно обсуждался вопрос о потенциальной опасности превалирования партийных органов над демократически избранными советами [Гусев].

Таким образом, в положении левых секций еврейских социалистических (теперь уже коммунистических) партий возникла некоторая двойственность, которая привела к созданию промежуточной ступени между более консервативно настроенными сионистами и сторонниками немедленного вступления в КП(б)У. В мае 1919 г. представители Объединенной еврейской социалистической рабочей партии объединились с левой фракцией Бунда (Комбунд) [СЕСРП о III Интернационале, 1], в результате чего сложилась новая коммунистическая организация – Еврейский коммунистический союз (Комфарбанд).

Союз возглавили М. Рафес, А. Чемериский, А. Мережин. В подписанном обеими партиями обращении Комфарбанда подчеркивалось стремление коммунистического союза вступить в ряды КП(б)У, однако до этого Комфарбанд оставлял за собой право создания автономных внутрипартийных органов, а также возможность созыва общесоюзных съездов и конференций²⁴. Подобная позиция вызвала настороженное отношение КП(б)У к Еврейскому коммунистическому союзу. Вне зависимости от перспективы дальнейшего вступления его членов в компартию Украины уже в июне 1919 г. было принято решение об исключительно индивидуальном приеме представителей Комфарбанда в КП(б)У. В августе 1919 г. Комфарбанд перестал существовать как самостоятельная организация. Впрочем, в данном случае необходимо подчеркнуть, что в переписке, которая существовала между членами ВУЦИК и наркоматами УССР, есть четкие инструкции по поводу направлений на работу в советские учреждения именно членов Комфарбанда. Указанная в документах задача – это культурная политика и “оказание материальной и продовольственной помощи еврейскому населению, пострадавшему... от погромов” [Переписка ВУЦИК, 8]. Параллельно при центральных и региональных органах КП(б)У начинают формироваться Еврейские коммунистические секции, в состав которых входили и члены распущенного ранее Комфарбанда. При этом любые высказывания по поводу возможной организационно-административной автономности Евсекций воспринимались как буржуазно-националистическая пропаганда²⁵.

Итак, не имевший мировых аналогов эксперимент по внедрению в политическое пространство Украины самостоятельного субъекта в виде еврейской культурно-национальной автономии явно подходил к концу. Его сложность и многообразие, переменчивость и внешняя декларативность говорили сами за себя. В то же время идущий ему на смену советский уклад общественно-политической жизни (условно его можно разделить на довоенный и послевоенный этапы) уже не мог похвастаться

ни аналогичной широтой мысли, ни многовекторностью национальной платформы, ни субъектным финансированием (абсолютно невозможным в условиях жесткого унитаризма советской государственной системы).

По сути, в данном случае следует говорить о том, что на смену национально-демократической платформе УНР пришла жесткая вертикаль советской власти, которая не предполагала и, более того, подавляла всякое проявление любого национального индивидуализма, будь то вспышка погромного движения или консолидация национальной традиции в сфере культуры, здравоохранения и образования. Все подобные проявления национального субъективизма отныне воспринимались как дестабилизация коммунистического режима, и без того достаточно сложно приживавшегося в условиях Украинской национальной революции 1917–1921 гг.

В то же время нельзя не отметить тот факт, что формирующиеся в недрах Украинской коммунистической партии Евсекции в определенном смысле подхватили эстафету культурно-национальных автономистских задач. Наследуя автономистской практике Бунда, они сосредоточили усилия на создании образовательных программ, реализуемых отныне в фарватере коммунистического воспитания еврейской молодежи. В результате Евсекции монополизировали практически все издания, выходившие на идиш. Ими курировались осколки культурно-национальных обществ. При их участии закрывались синагоги, сворачивалась социальная и общественная деятельность традиционных еврейских общин. И все же консолидация культурно-образовательных и пропагандистских задач в едином формате Евсекций не могла не тревожить украинские советские власти. В 1920-м году была предпринята попытка реорганизации Евсекций, которые попытались превратить в отделы агитации и пропаганды при партийных губкомах. Затем последовала очередная административная реорганизация, и формат Евсекций был восстановлен. Помимо воспитательных и культурных задач, Евсекции проводили работу по поддержке пострадавших от погромов, работали над сокращением оттока еврейского населения за границу, отвечали за внедрение идиш в судах и местных советах Украины. Таким образом, в очередной раз возникла парадоксальная ситуация, когда теперь уже Евсекции аккумулировали на государственном уровне (благодаря уникальному, то есть не столько общественно-политическому, сколько государственно-административному положению коммунистической партии) вопросы общественно-политической и культурной жизни еврейского сообщества. В 1926 г. именно этот вопрос был поставлен в ходе специального совещания Евсекций, и именно тогда пресловутый “националистический уклон” стал причиной окончательного свертывания не только еврейского автономистского проекта, но и самих Евсекций. Они были преобразованы в Еврейское бюро, после чего полностью ликвидированы в 1930 году. Таким образом, государство постаралось оградить себя от любого политического влияния национальных субъектов, институции которых целенаправленно переводились из формата советских органов власти в культурные организации или структуры, контролирующие исключительно религиозную жизнь еврейского сообщества.

Собственно, орган, по крайней мере отчасти, контролирующий деятельность религиозных общин, существовал в Украине уже в 1917 г. Фигурируя под названием Департамент вероисповеданий, он действовал при Министерстве внутренних дел, после чего, в эпоху Директории, функционировал как Министерство культов, впрочем, с достаточно хаотичными целями и задачами [Владиченко 2011]. Однако по настоящему системный контроль над всеми сторонами религиозной жизни и динамикой в развитии всех духовных общин, без различия вероисповедания, ввели именно в СССР, жесткой рукой внедряя принципы антирелигиозной пропаганды в идейно-политическое пространство советской Украины. Таким образом, можно смело говорить о том, что с момента вступления в действие (в 1919 г.) декрета

Временного рабоче-крестьянского правительства об “отделении церкви от государства и школы от церкви” начался советский этап общественно-политического развития еврейских общин на территории Украины.

Сразу же необходимо подчеркнуть, что аналогично психологии неопита этот этап начал разворачиваться достаточно жестко и даже агрессивно, реализуя принципы советской унитарной идеологии через, во-первых, “безбожные пятилетки”, далее путем изменений (по сути, идейно-политических) в рабочем календаре, наконец, через введение (на государственном уровне) модели тотального контроля и слежки над религиозным сознанием и духовным единством “советских людей”. Собственно, именно в этом (отчасти культурном, отчасти социальном) псевдоэтнокультурном определении скрывалась первопричина жесткой ассимиляторской и, по крайней мере частично, антирелигиозной политики в СССР. Отныне в едином интернациональном государстве не было места духовному инакомыслию, так рождалась и закалялась генерация новых, свободных от национально-культурной самоидентификации людей, мышление которых должно было развиваться в контексте нового цивилизационного кода – “человек советский”. По понятным причинам подобный процесс оказался крайне болезненным для представителей еврейской культуры, характер которой предполагал, что общины (в новейшее время светские, в более ранней традиции – религиозные) являлись не только внутренним духовным компасом нации, но и краеугольным камнем, на котором многие столетия строились все конфессиональные, экономические и социальные отношения еврейского сообщества. Таким образом, принадлежность к “советской нации” предполагала политическую и экономическую защиту граждан СССР, при этом платой за социальную стабильность становилась ассимиляция, что, однако, на протяжении всей истории СССР не исключало моментов внутреннего государственного антисемитизма (впрочем, как правило, завуалированного и публично порицаемого) [Государственный антисемитизм СССР].

Иллюстрацией подобных процессов на ранних этапах их формирования может служить заявление, направленное в ликвидационную комиссию при Наркомвнутделе по поводу необходимости обеспечения еврейских религиозных нужд на еврейском кладбище. Заявление подано от имени “зарегистрированных” (уже одно это определение не может не привлечь внимание исследователя!) синагогальных общин. “Мы понимаем, товарищи, – говорилось в заявлении, – что комиссия занята, ей, конечно, не до религиозных проблем на кладбище...” Впрочем, достаточно быстро из текста документа выясняется, что ситуация сложилась просто угрожающая. Для перевозки усопших на кладбище, естественно, были необходимы лошади. Состоятельные члены общины могли и были готовы самостоятельно оплачивать подобную услугу, в то время как для малоимущих членов общины разрешение на использование лошадей должны были выдавать в специальном учреждении – коммунотделе. “Но не так легко делается, как говорится...” (стилистика документа), в результате умершего от оспы Лазаря Лендермана доставляют на кладбище в брезенте, “которым до этого извозчик покрывал съестные продукты. Это опасно, продукты были рядом”. Когда о нескольких подобных случаях сообщили в коммунотдел, там ответили, что сотрудники заняты и “чтоб не лезли”. И далее по тексту заявления: «...ихнюю цель мы довольно понимаем... в советских учреждениях хотят сделать “хаос” (стилистика документа. – М. Т.) в этом вопросе...» Тем не менее реакция на заявления последовала достаточно быстро, поскольку внизу под текстом есть приписка: “...Только что мы узнали, что Коммунотдел купил 6 лошадей для еврейских кладбищ” [Заявление в ликвидационную комиссию, 92].

Итак, документы свидетельствуют, что квинтэссенцией еврейской традиционной, как бы еще досоветской жизни по-прежнему оставались общины, тогда как

новые институции (такие как просветительные общества, еврейский театр и др.) уже некоторое время курировались региональными Евсекциями. Затем Евсекции постепенно начали исчезать с административного советского небосклона, в то время как общинами продолжили заниматься отделы Наркомата Юстиции и “ликвидационные комиссии” (название которых весьма красноречиво свидетельствует о их целях и задачах).

В качестве примера, иллюстрирующего процессы свертывания еврейского советского культурного автономизма, можно процитировать текст ходатайства, поданного в отдел коммунального хозяйства. В нем изложена просьба – оставить за “Союзом еврейских трудящихся масс” помещение выселенной ранее еврейской общины. Однако, как свидетельствует документ, этот, уже советский, еврейский союз также пытались куда-то выселить. Последнее может быть на руку, подчеркивали авторы ходатайства, только “клерикально-сионистским заправилам” и т. д., и т. п. [Жилищному подотделу отдела коммунального хозяйства, 47]. В конце концов все эти структуры были переподчинены системе ВУЦИК и в таком формате просуществовали практически до начала Второй мировой войны²⁶.

Итак, история украинского еврейства в XX ст. очень четко разделяется на несколько периодов, фиксируемых по тематико-хронологическому принципу. Во-первых, это период еврейской автономии УНР; во-вторых, это советский период, включавший в себя на ранних этапах своего развития элемент советского культурно-национального (в данном случае еврейского) политико-административного творчества. В послевоенное время советский период государственной организации еврейского сообщества был ориентирован на последовательную нивелировку национального сознания, что вызывало, с одной стороны, достаточно существенный отток представителей украинского еврейства за рубеж, а с другой – ускоряло процессы ассимиляции и формировало новый тип советского интернационального сознания. В контексте настоящего исследования особый интерес представляет анализ еврейского этнополитического творчества в государственном пространстве УНР, а также динамика в формировании этнокультурных и административных институтов украинского еврейства в период раннесоветского (довоенного) развития УССР.

Тематически первый период может быть структурирован по принципу взаимодействия представителей еврейских политических партий, а также территориальных и религиозных общин с центральными государственными органами (Центральная Рада, Гетманат и Директория). Пиком политического творчества в этот период стало сотрудничество еврейских партий с Генеральным Секретариатом, что получило отражение в создании особого вице-секретарства по еврейским делам. И хотя в период Директории можно прямо говорить о существовании самостоятельного еврейского министерства (политическая и социальная платформа которого во многом опирались на принципы еврейского культурно-национального автономизма), использование и внедрение в жизнь подобного политического института было прежде всего обусловлено деятельностью первого украинского парламента. Документально на это указывает текст III Универсала, одной из центральных задач которого стало урегулирование взаимоотношений правительства УНР с входившими в состав Украинской Республики национальными меньшинствами. Таким образом, в эпоху УНР был проведен уникальный, не имевший мировых аналогов эксперимент, предполагавший нейтрализацию внутренних проблем еврейского сообщества через реализацию демократического опыта молодой Украинской Республики.

Некоторые современные исследователи, например уже упоминавшийся ранее Г. Абрамсон, пишут о декларативной, почти фантомной, стороне подобного политического проекта, однако, как представляется, это не умаляет значения автономистского творчества эпохи УНР. Собственно, именно тогда был создан, говоря юридическим языком, политический прецедент автономистской практики УНР и

определены границы субъектности национальных составляющих будущего украинского государства. В частности, проект автономистского разрешения еврейского вопроса предполагал: возможность созыва еврейского национального собрания (такие собрания должны были стать основой будущей автономии); перспективу обучения на языке нацменьшинства (в данном случае идиш); достижение всех прав и свобод, естественных для демократически развивающегося государства. Кроме того, характер еврейской культурно-национальной автономии не был сугубо теоретическим еще и потому, что потенциально соответствовал национальной еврейской ментальности. Последнее позволяло массовому еврейскому сознанию воспринимать национальное вице-секретарство не просто как государственный институт, но как своего рода синедрин, обязанный оберегать свой народ в эпоху погромного хаоса и экономического коллапса.

Последующая консервация принципов еврейского автономизма, реализуемая в политической тактике Гетманата, острая раздвоенность, характерная для вопроса об обособлении светских и религиозных общин, активизация левого крыла еврейских политических партий в момент нахождения у власти Директории – все это не привнесло в данную концепцию каких-либо ощутимых изменений.

В свою очередь, советский этап осознанного существования еврейского меньшинства в УССР характеризуется практически полной утратой признаков национальной идентичности. Ликвидировались общины, разрушались или передавались в иные руки школы и синагоги. Так был сформирован многорукий интернациональный Бриарей, или особая матрица советского человека, с его равно ограниченными политическими, этическими и культурными правами. В то же время не стоит чрезмерно упрощать советский период в жизни украинского еврейства. Вынужденные выживать в условиях погромного хаоса, не получавшие ожидаемой государственной помощи, украинские евреи раннесоветского периода массово принимали большевистскую концепцию социального развития, при этом сохраняя глубинные механизмы исторической памяти и традиционной культурной принадлежности. Именно этот фактор сделал столь неудобными для советского правительства Евсекции, первоначально созданные для нейтрализации этнической самости, а вместо этого аккумулировавшие в себе принципы советского еврейства, готового объединяться по этническому признаку, но теперь уже на основе классового коммунистического подхода.

Окончательное уничтожение Евсекций и политический контроль соответствующих советских органов, все более ужесточавшаяся централизация советской административной системы на долгие годы сделали запретной тему культурно-национальной идентификации украинского еврейства. Но, как говорил В. Гюго, “с нации нельзя спорить метку как с носового платка”. Распад СССР и строительство на его фундаменте самостоятельных демократических государств позволили вернуться к вопросу о духовном развитии и культурной принадлежности носителей еврейской национальной идентичности. Сегодня архетип *homo soveticus* постепенно уступает место ренессансу национальных культур, пусть не в формате государственной автономии, но (по крайней мере, в отношении еврейского населения Украины) на основе развития современных общин, просветительских центров, музеев и разнообразных образовательных программ. К сожалению, в настоящее время многие из перечисленных культурных институтов не получают необходимой государственной поддержки. Отсутствуют продуманные программы финансирования, ощущается недостаток административного контроля в сфере реализации программ социокультурного развития национальных меньшинств. И все же многое из уроков прошлого услышано, многое сделано, а еще больше наверняка остается впереди. И это очень хорошо, ведь, как известно, счастлив тот народ, у которого исписаны еще не все страницы в книге его истории.

¹ В более широком смысле, раскрывая понятие “этническое ядро” через понятие “культурное ядро”, можно интерпретировать данный термин как экстерриториальное “пространство устойчивых этнических архетипов, которое имеет сущностный, примордиальный характер” [Драч 2015].

² К моменту стабилизации политического положения Центральной Рады можно говорить о существовании как минимум 6 еврейских партий и организаций. Одни из них стремились к объединению (например, Фарейникте (Объединенная еврейская социалистическая рабочая партия)), другие, напротив, дистанцировались одна от другой (в данном случае это сторонники большевизма и его идейные оппоненты), однако в целом все же превалировали партии социал-демократического и сионистского характера. Итак, среди всего разнообразия еврейских партий и движений прежде всего следует назвать такую крупную социал-демократическую организацию, как Бунд, далее следуют: Еврейская сионистская независимая рабочая партия, затем Сионистско-социалистическая рабочая партия, Еврейская социалистическая рабочая партия (Серп), Фолкспартей – партия автономистов, созданная Ш. Дубновым, и др. [ЦДАГО України, ф. 41, оп. 1, дело 1, 141 л.].

³ Основоположником данной концепции стал еврейский драматург, философ, еврейский общественный и политический деятель Теодор Герцль, по инициативе которого в 1897 г. в Базеле был созван Первый всемирный сионистский конгресс.

⁴ На глубинном уровне здесь речь может идти о формировании нового психологического архетипа, который известный философ и публицист А. А. Зиновьев условно обозначил как “человек советский” (*homo soveticus*).

⁵ В 1918 г. представитель этой партии Я. Лацкий-Бертольди (он же Вольф Лацкий) некоторое время находился на посту министра по еврейским делам. Впрочем, как свидетельствуют архивные документы [Абрамсон 2017, 154], никакой свежей струи в еврейско-украинские отношения пребывание данного представителя Фолкспрей на столь ответственной должности не привнесло. Более того, по этому поводу один из политиков эпохи Директории весьма саркастически высказался: “...в Національній раді два місяці сперечалися, щоб обрати представника без програми...” (цит. по: [Абрамсон 2017, 154]).

⁶ Из 50 мест, предоставленных евреям в Малой Раде, сионисты, Бунд и Фарейникте получили по 13 мест, Поалей-Цион – 9, а Фолкспартей – только 2.

⁷ М. Рафес не принял политической логики Директории и возглавил левое крыло Бунда.

⁸ Бауэр Отто – австрийский социал-демократ, председатель Социал-демократической партии Австрии, министр иностранных дел Австрии в 1918/1919 гг.

⁹ Следует отметить, что одним из первых особое внимание на значение выводов К. Реннера для развития политической логики В. Д. Медема обратил И. В. Сталин. Полемика, связанная с теорией и практикой автономизма, развернувшаяся между Сталиным и Медемом, получила отражение в известной работе И. В. Сталина “Марксизм и национальный вопрос” [Сталин 1946, 290–367].

¹⁰ Позднее этот тезис обрел более зримые очертания в практической деятельности Генерального Секретариата, а именно в контексте работы Секретариата по национальным делам, в состав которого входили три вице-секретариата: по польским, великорусским и еврейским делам. Впрочем, как показала практика, только еврейский вице-секретариат оказался более или менее жизнестойким, а значит, наиболее адекватным национальной политике Центральной Рады.

¹¹ Общеизвестный текст II Универсала не оставляет по этому поводу не малейших сомнений “Ми, Центральна Рада, яка завжди стояла за те, щоб не одділяти Україну от Росії, щоб вкупі з усіма народами її прямувати до розвитку та добробуту всієї Росії і до єдності демократичних сил...” [(II) Універсал Української Центральної Ради].

¹² Подробнее об этом см. постановление Временного правительства “О национально-политическом положении Украины”, текст идентичный II Универсалу Центральной Рады.

¹³ 13 июля 1917 г. вице-секретарем по еврейским делам стал Моше Зильберфарб, основатель Социалистической еврейской рабочей партии, позднее член Объединенной еврейской социалистической рабочей партии. Тогда же, сразу после оглашения II Универсала, представители Бунда также вошли в состав украинского правительства. Более того, областной комитет Бунд провел целый ряд заседаний, в ходе которых говорилось о необходимости

консолидации первичных “бундовских организаций Юга России” [Протокол собрания Киевской организации Бунда].

¹⁴ Интересно, что именно этот аспект отмечался как наиболее значимый в резолюции Южного областного комитета Бунда: “...Бюро южного областного комитета Бунда... остановилось на выдвинутой Центральной украинской радой идее территориального съезда...” [Рафес 1923, 38–44].

¹⁵ В этом смысле интересно выступление представителей Центрального профессионального союза в Бахмуте. В нем подчеркивается приоритет главенства избирательного права и, соответственно, присутствует критика потенциального авторитаризма власти: “...области автономии должны, – говорится в обращении, – бороться со всеми... покушениями на демократические права... и с попытками навязать сверху власть комиссаров”. И далее, еще более интересно: “...При создании органов областной автономии необходимо обеспечение прав национальных меньшинств, путем создания для них органов культурно-национальной автономии” [Центральный профессиональный Союз Бахмута]. Здесь следует указать на особую позицию, которую заняли сионисты во время обсуждения вопроса о структуре будущей автономии. Весной 1917 г. они подчеркивали необходимость именно территориального ее характера: “Областная автономия путем нового, возможно более полного территориального разграничения национальностей...” [ЦК Еврейской рабочей партии социалистов-территориалистов].

¹⁶ Этот конфликт на административном уровне нашел отражение в структуризации департаментов министерства по еврейским делам. В нем Бунд получил департамент народного образования и, соответственно, весьма приличное финансирование (в бюджете на 1918 г. на министерство пришлось 10 % общей суммы, из них департамент образования получил 40,2 % бюджета министерства). Партия Поалей-Цион реализовывала свою программу в деятельности департамента национального самоуправления (27,7 % средств министерства) [Абрамсон 2017, 125].

¹⁷ Первоначально были проведены выборы в региональные советы еврейских общин, затем на основании этих выборов были определены делегаты будущего, уже общегосударственного Еврейского национального собрания [Бунд. Справочные материалы].

¹⁸ В состав еврейской делегации также входили представители Бунда (прежде всего представители его правого крыла) и Объединенной еврейской социалистической рабочей партии.

¹⁹ По этому вопросу см. также: [Левітас 2011].

²⁰ По понятным причинам настоящее исследование не затрагивает проблему холокоста в пределах территории Украины.

²¹ Цифры в 50–60 тысяч человек четко соотносятся со статистикой Нахума Гергеля, который, в свою очередь, опирается на личный опыт фактического главы еврейского министерства периода Гетманата, а также на данные архива И. Чериковера в Нью-Йорке.

²² Исследования по статистике погромов см. также, например, в работах: И. Б. Шехтмана “История погромного движения на Украине” [Шехтман 1932], Г. В. Костырченко [Костырченко 2001, 56] и др.

²³ По этому вопросу в обращении Еврейского национального секретариата к Главному комитету Бунда говорится: “Еврейский национальный секретариат обращается к Главному комитету Бунда и к Малому национальному совету по поводу также необходимости создания комитета по оказанию помощи пострадавшим от погромов...” [Еврейский национальный секретариат Главному комитету Бунда, 8–10].

²⁴ Правое крыло Бунда продолжало поддерживать Директорию. В июле 1919 г. представители именно этого направления Еврейского союза присутствовали на упоминавшейся ранее встрече с С. Петлюрой [Гусев].

²⁵ В этом смысле интересна переписка М. Рафеса с председателем Киевского отдела Всеукраинской чрезвычайной комиссии. Переписка связана с арестом некоего Ш. Литвака (еврея по национальности), которого арестовали за сообщение о преступной деятельности одного из следователей ЧК – Пищика. Арест носил нарочито запугивающий характер и был настолько очевидно криминален, что самого Пищика было решено арестовать и “препроводить в Губернскую тюрьму”. Каково же было изумления М. Рафеса, когда через некоторое время выяснилось, что Пищик не только не был арестован, но и продолжает находиться на

должности заведующего отдела по борьбе со спекуляцией [Письмо М. Рафеса от 10 мая 1919... 15–15 об.]. О самом М. Рафесе в отдельном письме негласно сообщалось, что он вмешивается не в свои профессиональные обязанности и тем вредит процессу делопроизводства [Письмо М. Рафеса от 10 мая 1919... 105].

²⁶ Центральный комитет национальных меньшинств при ВУЦИК (ЦИК УССР) с определенными модификациями функционировал в 30-е годы XX ст.

ЛИТЕРАТУРА

Абрамсон Г. Молитва за владу. Українці та євреї в революційну добу (1917–1920). Київ, 2017.

Бунд. Справочные материалы // **Центральний державний архів громадських об'єднань України** (ЦДАГО України). Ф. 41, оп. 1, спр. 1, 141 арк.

Владиченко Л. До історії державного органу у справах релігій в Україні. Частина II: 1920–1991 роки // **Релігія в Україні**. 14 вересня 2011. URL: <https://www.religion.in.ua/main/analitica/11954-do-istoriyi-derzhavnogo-organy-u-spravah-religij-v-ukrayini-chastina-ii-1920-1991-roki.html> (дата звернення: 10.07.2019).

Воззвание Киевского областного комитета Бунда // **ЦДАГО України**. Ф. 41, оп. 1, спр. 7, 11 арк.

Ворона П. В., Мучник А. М., Ревезук В. Я. Симон Петлюра – від контроверзи до порозуміння. Полтава, 2010. URL: http://uu.edu.ua/upload/Osvita/Navch_metod_d_t/Navch_metod_materiali/Istoriya_Ukraini/Simon_Petlyura.doc (дата звернення: 10.07.2019).

Государственный антисемитизм СССР // **Архив Александра Н. Яковлева**. URL: <https://www.alexanderyakovlev.org/fond/issues/62107> (дата звернення: 10.07.2019).

Гусев В. Бунд в суспільно-політичному житті України (кін. XIX ст. – 1921 р.) // **Українська спілка**. URL: <https://www.national.org.ua/library/bund.html> (дата звернення: 10.07.2019).

Драч Г. В. Этнокультура в пространстве глобализации (обзор международного конгресса в Грозном) // **Вопросы философии**. 20 августа 2015. URL: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=1225 (дата звернення: 10.07.2019).

Євреї в Україні // **Світ географії та туризму**. URL: <http://ukr-tur.narod.ru/goroda-turizm-tour-tourism/ukraine-ukraina-v-ukraine/population-naseleniya/nacionalnye-menshinstva/evrei-ukraine-naselenie-evrei-v-ukraine.htm> (дата звернення: 11.07.2019).

Єврейський національний секретариат Главному комитету Бунда // **ЦДАГО України**. Ф. 41, оп. 1, спр. 18, 41 арк.

Євреї та українська республіка. Єврейська делегація у Головного отамана 17 липня 1919 р. в Кам'янець-Подільлі // **ЦДАГО України**. Ф. 1, оп. 1, спр. 1, 141 арк.

Жилищному подотделу отдела коммунального хозяйства // **ЦДАГО України**. Ф. 1, оп. 1, спр. 34, 107 арк.

Заявление в ликвидационную комиссию // **ЦДАГО України**. Ф. 1, оп. 1, спр. 34, 107 арк.

Зисельс И. Динамика численности еврейского населения Украины // **Ассоциация еврейских организаций и общин Украины (Ваад)**. URL: <http://www.vaadua.org/analitika/dinamika-chislennosti-evreyskogo-naseleniya-ukrainy> (дата звернення: 11.07.2019).

Из материалов конференции Бунда // **ЦДАГО України**. Ф. 41, оп. 1, спр. 9, 46 арк.

Итоги переписи 2001 года на Украине // **Демоскоп Weekly**. № 113–114 (19 мая – 1 июня 2003). URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2003/0113/analit03.php> (дата звернення: 10.07.2019).

Книга погромов. Погромы на Украине, в Белоруссии и европейской части России в период Гражданской войны 1918–1922 гг. Сборник документов / Под. ред. Миляковой Л. Б. Москва, 2007.

Костырченко Г. В. Тайная политика Сталина: Власть и антисемитизм. Москва, 2001.

Левитас Ф. Українсько-єврейські відносини 1919–1920 рр.: подолання стереотипів національної пам'яті // **Наукові записки Інституту політичних і етнонаціональних досліджень ім. І. Ф. Кураса**. Вип. 5. 2011.

Медем В. **Социал-демократия и национальный вопрос.** Санкт-Петербург, 1906.

Объявление левого крыла Бунда о расколе // **ЦДАГО України**. Ф. 41, оп. 1, спр. 15, 25 арк.

Переписка ВУЦИК // **ЦДАГО України**. Ф. 41, оп. 1, спр. 34, 107 арк.

Письмо М. Рафеса от 10 мая 1919 председателю Киевского отдела Всеукраинской чрезвычайной комиссии // **ЦДАГО України**. Ф. 41, оп. 1, спр. 34, 107 арк.

Проекты законов Генерального Секретариата УНР об уставе еврейских общин // **ЦДАГО України**. Ф. 41, оп. 1, спр. 9, 46 арк.

Протокол собрания Киевской организации Бунда // **ЦДАГО України**. Ф. 41, оп. 1, спр. 7, 11 арк.

Расширенное Бюро Всеукраинского комитета Бунда // **ЦДАГО України**. Ф. 41, оп. 1, спр. 18, 41 арк.

Рафес М. Очерки по истории Бунда. Москва, 1923.

СЕСРП о III Интернационале, отношении к РКП(б) и КП(б)У // **ЦДАГО України**. Ф. 41, оп. 1, спр. 124, 12 арк.

Сколько евреев в Украине? // **Международный еврейский общинный центр “Мигдаль”**. URL: <https://www.migdal.org.ua/demographics/2019/> (дата звернення: 10.07.2019).

Сталин И. В. Марксизм и национальный вопрос // Сталин И. В. **Собрание сочинений**. Т. 2. Москва, 1946.

Тархов С. А. Итоги переписи населения Украины 2001 года // **Четвертые сократические чтения по географии. Научные теории и географическая реальность**. Москва, 2004.

Українська РСР в період громадянської війни 1917–1920 рр. Т. 2. Київ, 1968.

(II) Універсал Української Центральної Ради // **Верховна Рада України**. URL: <http://gs-ka2.gada.gov.ua/site/const/universal-2.html> (дата звернення: 10.07.2019).

Центральный профессиональный Союз Бахмута // **ЦДАГО України**. Ф. 41, оп. 1, спр. 8, 17 арк.

ЦДАГО України. Ф. 41, оп. 1, спр. 1, 141 арк.

ЦК Еврейской рабочей партии социалистов-территориалистов // **ЦДАГО України**. Ф. 41, оп. 1, спр. 51, 60 арк.

Черновик текста. Заявление Бунда, сделанное им на совместном совещании социалистических партий и Директории // **ЦДАГО України**. Ф. 41, оп. 1, спр. 25, 25 арк.

Шехтман И. Б. История погромного движения на Украине. Т. 2. Погромы Добровольческой армии. Москва – Берлин, 2015.

Gergel N. The Pogroms in the Ukraine in 1918–1921. New York, 1951.

REFERENCES

Abramson H. (2017), *Molytva za vladu. Ukrayintsi ta yevreyi v revolyutsiyni dobu (1917–1920)*, Dukh i litera, Kyiv. (In Ukrainian).

“Bund. Spravochnyye materialy”, in *Tsentral’nyy derzhavnyy arkhiv hromads’kykh ob’yednan’ Ukrayiny (TsDAHO Ukrayiny)* [Central State Archives of Public Organizations of Ukraine], Fund 41, Inventory 1, File 1, 141 sheets. (In Russian).

Vladychenko L. (2011), “Do istoriyi derzhavnogo orhanu u spravakh relihiy v Ukrayini. Chastyna II: 1920–1991 roky”, in *Relihiya v Ukrayini*, September 14, available at: <https://www.religion.in.ua/main/analitica/11954-do-istoriyi-derzhavnogo-orgnanu-u-spravakh-religij-v-ukrayini-chastina-ii-1920-1991-roki.html> (accessed July 10, 2019). (In Ukrainian).

“Vozzvaniye Kiyevskogo oblastnogo komiteta Bunda”, in *Tsentral’nyy derzhavnyy arkhiv hromads’kykh ob’yednan’ Ukrayiny (TsDAHO Ukrayiny)* [Central State Archives of Public Organizations of Ukraine], Fund 41, Inventory 1, File 7, 11 sheets. (In Russian).

Vorona P. V., Muchnyk A. M. and Revehuk V. Ya. (2010), “Symon Petoyura – vid kontroverzy do porozuminnya”, *Vydavets’ PP Shevchenko R. V.*, Poltava, available at: http://uu.edu.ua/upload/Osvita/Navch_metod_d_t/Navch_metod_materiali/Istoriya_Ukraini/Simon_Petlyura.doc (accessed July 10, 2019). (In Ukrainian).

“Gosudarstvennyy antisemitizm SSSR”, in *Arkhiv Aleksandra N. Yakovleva*, available at: <https://www.alexanderyakovlev.org/fond/issues/62107> (accessed July 10, 2019). (In Russian).

Hushev V., “Bund v suspil’no-politychnomu zhytti Ukrayiny (kin. XIX st. – 1921 r.)”, in *Ukrayins’ka spilka*, available at: <https://www.national.org.ua/library/bund.html> (accessed July 10, 2019). (In Ukrainian).

Drach G. V. (2015), “Etnokul’tura v prostranstve globalizatsii (obzor mezhdunarodnogo kongressa v Groznom)”, *Voprosy filosofii*, August 20, available at: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=1225 (accessed July 10, 2019). (In Russian).

“Evrei v Ukraine”, in *Svit heohrafiyi ta turyzmu*, available at: <http://ukr-tur.narod.ru/gorodaturizm-tour-tourism/ukraine-ukraina-v-ukraine/population-naseleniya/nacionalnye-menshinstva/evrei-ukraine-naselenie-evrei-v-ukraine.htm> (accessed July 11, 2019). (In Russian).

“Evreyskiy natsional’nyy sekretariat Glavnomu komitetu Bunda”, in *Tsentrал’nyy derzhavnyy arkhiv hromads’kykh ob’yednan’ Ukrayiny (TsDAHO Ukrayiny)* [Central State Archives of Public Organizations of Ukraine], Fund 41, Inventory 1, File 18, 41 sheets. (In Russian).

“Yevreyi ta Ukrayins’ka respublika. Yevreys’ka delehatsiya u Holovnoho otamana 17 lypnya 1919 r. V Kam’yanets-Podilli”, in *Tsentrал’nyy derzhavnyy arkhiv hromads’kykh ob’yednan’ Ukrayiny (TsDAHO Ukrayiny)* [Central State Archives of Public Organizations of Ukraine], Fund 1, Inventory 1, File 1, 141 sheets. (In Ukrainian).

“Zhilishchnomu podotdelu otdela kommunal’nogo khozyaystva”, in *Tsentrал’nyy derzhavnyy arkhiv hromads’kykh ob’yednan’ Ukrayiny (TsDAHO Ukrayiny)* [Central State Archives of Public Organizations of Ukraine], Fund 1, Inventory 1, File 34, 107 sheets. (In Russian).

“Zayavleniye v likvidatsionnyuyu komissiyu”, in *Tsentrал’nyy derzhavnyy arkhiv hromads’kykh ob’yednan’ Ukrayiny (TsDAHO Ukrayiny)* [Central State Archives of Public Organizations of Ukraine], Fund 1, Inventory 1, File 34, 107 sheets. (In Russian).

Zisel’s I., “Dinamika chislennosti evreyskogo naseleniya Ukrainy”, in *Assotsiatsiya evreyskikh organizatsiy i obshchin Ukrainy (Vaad)*, available at: www.vaadua.org/analitika/dinamika-chislennosti-evreyskogo-naseleniya-ukrainy (accessed July 11, 2019). (In Russian).

“Iz materialov konferentsii Bunda”, in *Tsentrал’nyy derzhavnyy arkhiv hromads’kykh ob’yednan’ Ukrayiny (TsDAHO Ukrayiny)* [Central State Archives of Public Organizations of Ukraine], Fund 41, Inventory 1, File 9, Sheets 44–45. (In Russian).

“Itogi perepisi 2001 goda na Ukraine” (2003), in *Demoskop Weekly*, No. 113–114 (May 19 – June 1), available at: www.demoscope.ru/weekly/2003/0113/analit03.php (accessed July 10, 2019). (In Russian).

Kniga pogromov. Pogromy na Ukraine, v Belorussii i evropeyskoy chasti Rossii v period Grazhdanskoy voyny 1918–1922 gg. Sbornik dokumentov (2007), Milyakova L. B. (Ed.), ROSSPEN, Moscow. (In Russian).

Kostyrchenko G. V. (2001), *Taynaya politika Stalina: Vlast’ i antisemitizm*, Mezhdunarodnyye otnosheniya, Moscow. (In Russian).

Levitas F. (2011), “Ukrayins’ko-yevreys’ki vidnosyny 1919–1920 rr.: podolannya stereotypiv natsional’noyi pam’yati”, in *Naukovi zapysky Instytutu politychnykh i etnonatsional’nykh doslidzhen’ im. I. F. Kurasa*, Issue 5, pp. 382–393. (In Ukrainian).

Medem V. (1906), *Sotsial-demokratiya i natsional’nyy vopros*, Tipografiya Busselya, Saint Petersburg. (In Russian).

“Ob’yavleniye levogo kryla Bunda o raskole”, in *Tsentrал’nyy derzhavnyy arkhiv hromads’kykh ob’yednan’ Ukrayiny (TsDAHO Ukrayiny)* [Central State Archives of Public Organizations of Ukraine], Fund 41, Inventory 1, File 15, 25 sheets. (In Russian).

“Perepyska VUTsYK”, in *Tsentrал’nyy derzhavnyy arkhiv hromads’kykh ob’yednan’ Ukrayiny (TsDAHO Ukrayiny)* [Central State Archives of Public Organizations of Ukraine], Fund 41, Inventory 1, File 34, 107 sheets. (In Russian).

“Pis’mo M. Rafesa ot 10 maya 1919 predsedatelyu Kiyevskogo otdela Vseukrainskoy chrezvychaynoy komissii”, in *Tsentrал’nyy derzhavnyy arkhiv hromads’kykh ob’yednan’ Ukrayiny (TsDAHO Ukrayiny)* [Central State Archives of Public Organizations of Ukraine], Fund 41, Inventory 1, File 34, 107 sheets. (In Russian).

“Proyekty zakonov General’nogo Sekretariata UNR ob ustave evreyskikh obshchin”, in *Tsentrал’nyy derzhavnyy arkhiv hromads’kykh ob’yednan’ Ukrayiny (TsDAHO Ukrayiny)* [Central State Archives of Public Organizations of Ukraine], Fund 41, Inventory 1, File 9, 46 sheets. (In Russian).

“Protokol sobraniya Kiyevskoy organizatsii Bunda”, in *Tsentrал’nyy derzhavnyy arkhiv hromads’kykh ob’yednan’ Ukrayiny (TsDAHO Ukrayiny)* [Central State Archives of Public Organizations of Ukraine], Fund 41, Inventory 1, File 7, 11 sheets. (In Russian).

“Rasshirennoye Byuro Vseukrainskogo komiteta Bunda”, in *Tsentrал’nyy derzhavnyy arkhiv hromads’kykh ob’yednan’ Ukrayiny (TsDAHO Ukrayiny)* [Central State Archives of Public Organizations of Ukraine], Fund 41, Inventory 1, File 18, 41 sheets. (In Russian).

Rafes M. (1923), *Ocherki po istorii Bunda*, Moskovskiy rabochiy, Moscow. (In Russian).

“SESRP o III Internatsionale, Otnoshenii k RKP(b) i KP(b)U”, in *Tsentrал’nyy derzhavnyy arkhiv hromads’kykh ob’yednan’ Ukrayiny (TsDAHO Ukrayiny)* [Central State Archives of Public Organizations of Ukraine], Fund 41, Inventory 1, File 124, 12 sheets. (In Russian).

“Skol’ko evreyev v Ukraine?”, in *Mezhdunarodnyy Evreyskiy Obshchinnyy Tsentr “Migdal”*, available at: <https://www.migdal.org.ua/demographics/2019/> (accessed July 10, 2019). (In Russian).

Stalin I. V. (1946), “Marksizm i natsional’nyy vopros”, in Stalin I. V., *Sobraniye sochineniy*, Vol. 2, OGIZ, Gosudarstvennoye izdatel’stvo politicheskoy literatury, Moscow, pp. 290–367. (In Russian).

Tarkhov S. A. (2004), “Itogi perepisi naseleniya Ukrainy 2001 goda”, in *Chetvertyye sokraticheskiye chteniya po geografii. Nauchnyye teorii i geograficheskaya real’nost’*, Eslan, Moscow, pp. 144–164. (In Russian).

Ukrayins’ka RSR v period hromadyans’koyi viyny 1917–1920 rr. (1968), Vol. 2, Polityvdav Ukrainy, Kyiv. (In Ukrainian).

“(II) Universal Ukrayins’koyi Tsentral’noyi Rady”, *Verkhovna Rada Ukrainy*, available at: <http://gska2.rada.gov.ua/site/const/universal-2.html> (accessed July 10, 2019). (In Ukrainian).

“Tsentral’nyy professional’nyy Soyuz Bakhmuta”, in *Tsentral’nyy derzhavnyy arkhiv hromads’kykh ob’yednan’ Ukrainy (TsDAHO Ukrainy)* [Central State Archives of Public Organizations of Ukraine], Fund 41, Inventory 1, File 8, 17 sheets. (In Russian).

Tsentral’nyy derzhavnyy arkhiv hromads’kykh ob’yednan’ Ukrainy (TsDAHO Ukrainy) [Central State Archives of Public Organizations of Ukraine], Fund 41, Inventory 1, File 1, 141 sheets. (In Ukrainian).

“TSK Evreyskoy rabochey partii sotsialistov-territorialistov”, in *Tsentral’nyy derzhavnyy arkhiv hromads’kykh ob’yednan’ Ukrainy (TsDAHO Ukrainy)* [Central State Archives of Public Organizations of Ukraine], Fund 41, Inventory 1, File 51, 60 sheets. (In Russian).

“Chernovik teksta. Zayavleniye Bunda, sdelannoye im na sovместnom soveshchaniy sotsialisticheskikh partiy i Direktorii”, in *Tsentral’nyy derzhavnyy arkhiv hromads’kykh ob’yednan’ Ukrainy (TsDAHO Ukrainy)* [Central State Archives of Public Organizations of Ukraine], Fund 41, Inventory 1, File 25, 25 sheets. (In Russian).

Shekhtman I. B. (2015), *Istoriya pogromnogo dvizheniya na Ukraine*, Vol. 2: Pogromy Dobrovol’cheskoy armii, Direkt-Media, Moscow and Berlin. (In Russian).

Gergel N. (1951), “The Pogroms in the Ukraine in 1918–1921”, *YIVO Annual of Jewish Social Science*, Yivo Institute for Jewish Research, New York, pp. 237–252.

М. В. Торпіка

Розвиток концепції єврейського автономізму в умовах Української революції і політичних реалій довоєнної УРСР

У статті особлива увага приділяється аналізу єврейської етнополітичної творчості в державному просторі УНР, а також динаміці у формуванні етнокультурних та адміністративних інститутів українського єврейства в період ранньорадянського (довоєнного) розвитку УРСР. У процесі дослідження використовуються неопубліковані матеріали із зібрання Центрального державного архіву громадських об’єднань України. Авторка аналізує історію взаємодії представників єврейських політичних партій, а також територіальних і релігійних громад з центральними державними органами УНР. Особливо важливим є співробітництво єврейських партій з Генеральним Секретаріатом, що вилилося, зокрема, у створення особливого віцесекретарства в єврейських справах. Проект автономістського вирішення єврейського питання передбачав: можливість скликання єврейських національних зборів (такі збори мали стати основою майбутньої автономії); перспективу навчання мовою нацменшини (в цьому разі їдиш); досягнення всіх прав і свобод, природних для держави, що демократично розвивається.

Авторка підкреслює, що в ранньорадянський період Євсекції КП(б)У в певному сенсі підхопили естафету культурно-національних автономістських завдань. Наслідуючи автономістську практику Бунду, вони зосередили зусилля на створенні освітніх програм, що реалізуються відтепер у фарватері комуністичного виховання єврейської молоді. У результаті Євсекції курирували практично всі видання, що виходили на їдиш, а також діяльність єврейських культурно-національних товариств. Крім виховних і культурних завдань, Євсекції проводили роботу з підтримки постраждалих від погромів, працювали над скороченням відтоку єврейського населення за кордон, відповідали за впровадження їдиш у судах і місцевих радах України. І водночас саме за їхньою участю закривалися синагоги, згорталася соціальна і громадська діяльність традиційних єврейських громад. У 1926 р. горезвісний

“націоналістичний ухил” став причиною остаточного згорання не тільки єврейського автономістського проекту, а й самих Євсекцій, які були реорганізовані в Єврейське бюро, після чого повністю ліквідовані в 1930 році. Авторка доходить висновку, що так держава намагалася захистити себе від будь-якого політичного впливу національних суб’єктів, інституції яких цілеспрямовано переводилися з формату радянських органів влади в культурні організації або структури, що уповноважені контролювати суто релігійне життя єврейської спільноти. Остаточне знищення Євсекцій і політичний контроль відповідних радянських органів, централізація радянської адміністративної системи, що лише посилювалася, на довгі роки зробили забороненою тему культурно-національної ідентифікації українського єврейства.

Ключові слова: Бунд, євреї, Євсекції, культурно-національна автономія, національна ідентичність, радянська адміністративна система, УНР, УРСР

М. В. Тортика

**Развитие концепции еврейского автономизма
в условиях Украинской революции
и политических реалий довоенной УССР**

В статье особое внимание уделяется анализу еврейского этнополитического творчества в период УНР, а также динамике в формировании этнокультурных и административных институтов украинского еврейства в период раннесоветского (довоенного) развития УССР. В ходе исследования используются неопубликованные материалы из собрания Центрального государственного архива общественных объединений Украины. Автор анализирует историю взаимодействия представителей еврейских политических партий, а также территориальных и религиозных общин с центральными государственными органами УНР. Особенно важным представляется сотрудничество еврейских партий с Генеральным Секретариатом, что вылилось, в частности, в создание особого вице-секретарства по еврейским делам. Проект автономистского разрешения еврейского вопроса предполагал: возможность созыва еврейского национального собрания (такие собрания должны были стать основой будущей автономии); перспективу обучения на языке нацменьшинства (в данном случае идиш); достижение всех прав и свобод, естественных для демократически развивающегося государства.

Автор подчеркивает, что в раннесоветский период Евсекции в определенном смысле подхватили эстафету культурно-национальных автономистских задач. Наследуя автономистской практике Бунда, они сосредоточили усилия на создании образовательных программ, реализуемых отныне в фарватере коммунистического воспитания еврейской молодежи. В результате Евсекции курировали практически все издания, выходившие на идиш, а также деятельность еврейских культурно-национальных обществ. Помимо воспитательных и культурных задач, Евсекции проводили работу по поддержке пострадавших от погромов, работали над сокращением оттока еврейского населения за границу, отвечали за внедрение идиш в судах и местных советах Украины. В то же время именно при их участии закрывались синагоги, сворачивалась социальная и общественная деятельность традиционных еврейских общин. В 1926 г. пресловутый “националистический уклон” стал причиной окончательного свертывания не только еврейского автономистского проекта, но и самих Евсекций, которые были преобразованы в Еврейское бюро, после чего полностью ликвидированы в 1930 году. Автор приходит к выводу, что, таким образом, государство постаралось оградить себя от любого политического влияния национальных субъектов, институции которых целенаправленно переводились из формата советских органов власти в культурные организации или структуры, уполномоченные контролировать исключительно религиозную жизнь еврейского сообщества. Окончательное уничтожение Евсекций и политический контроль соответствующих советских органов, все более ужесточавшаяся централизация советской административной системы на долгие годы сделали запретной тему культурно-национальной идентификации украинского еврейства.

Ключевые слова: Бунд, евреи, Евсекция, культурно-национальная автономия, национальная идентичность, советская административная система, УНР, УССР

Стаття надійшла до редакції 20.01.2020